

Глава 11. Аппетит.

Он такой твердый, этот хлеб - самый обычный черный хлеб, выпеченный на пекарне, без сливок, без сыра, без варенья, и Джаяд закапывает его глубоко в землю уже несколько дней, он уже давно стал твердым, как камень, от замерзания.

Именно такой хлеб обычно готовят вместе с гумбо, а если это хлеб, обычно называемый багетом, то его можно сразу использовать в качестве оружия.

Он был твердым, вязущим, горьким и совсем не вкусным, но на удивление я смог его разгрызть и даже быстро проглотить.

Мой язык и мой мозг говорили мне, что это невкусно, даже не по-человечески, но мое тело было так голодно, что я инстинктивно жаждал этой невкусной пищи.

Может быть, я слишком долго голодал? Я не могу не думать о том, что я так голоден, что не могу перестать есть, потому что мое тело нуждается в этом.

– Парула, ешь медленно. – Джаяд тоже схватил кусок печеного теста и смотрел, как я его поглощаю, я не мог не посоветоваться, даже он осмеливался, есть только тонкое тесто, а не хлеб, но я грыз так сильно, что он проголодался, неужели этот черный хлеб так хорош?

Он также взял кусок черного хлеба, который сторел до хруста, один укус, и он не сдвинулся с места, он был как камень или сталь, он даже не был съедобным, Джаяд посмотрел на меня в изумлении, как у маленькой девочки хватило сил укунуть прожаренный черный хлеб?

К этому времени я доел буханку черного хлеба за три укуса и взял в рот еще одну сосиску из бекона. Вкус был ужасный!

Я не знаю, было ли оно плохо провялено, или мясо было несвежим, или Джаяд оставил его слишком надолго после того, как украл, но мясо было несвежим.

Но, несмотря на то, что внутри я сильно сопротивлялся, мой рот не мог остановиться, и я быстро проглотил и эту сосиску, переложив руку на другую лепешку.

– Парула, ты в порядке? – Тогда даже Джаяд заметил, что я не совсем прав: обычно Парула ела мало.

Это, правда, сколько может съесть человек, который ежедневно голодает до костей и кожи, даже если перед ним поставят роскошное блюдо, он не сможет съесть много, даже если захочет, но сейчас я съел достаточно еды, чтобы наполнить три порции, или порции трех взрослых мужчин.

Но я по-прежнему не чувствовал себя ни капли сытым, и даже становился все более голодным и неудовлетворенным, желая есть все больше и больше!

Именно тогда я почувствовала себя совершенно неправильно, потому что, хотя я и пыталась заставить себя остановиться, мое тело на самом деле больше не отвечало моим командам, и я продолжала хватать еду и поглощать ее, все быстрее и быстрее.

– Парула! – Джаяд подошел, чтобы оттащить меня, но был поражен моим ответным взглядом, взглядом зверя, который смотрит на свою добычу.

Я знал это, потому что в этот момент в моем сознании даже возникло мимолетное желание представить, что стоящий передо мной Джаяд должен выглядеть аппетитно, не попробовать ли мне его, чтобы узнать, каков он на вкус?

Затем я мгновенно очнулся, о боже! Как я мог такое подумать, ведь Джаяд был моим благодетелем, если бы не его забота, я бы не мог надеяться жить и питаться?

Мысль о каннибализме вызвала во мне инстинктивную волну сопротивления и отвращения, и с этим чувством я, наконец, заставил себя вырваться из тисков аппетита, отбросив наполовину съеденную лепешку и забравшись обратно под одеяло.

Я должен был быть слишком больным и слабым, чтобы есть, но почему-то во время еды во мне бурлили силы, и когда я хватал еду и поглощал ее, мне даже казалось, что я могу столкнуть Джаяда вниз и загрызть его до смерти без всякого труда.

Я никогда не думал, что еда может быть такой ужасной вещью, неконтролируемый аппетит был настолько ужасен, что к тому времени, когда я взяла себя в руки, я уже съел три четверти еды Джаяда, по крайней мере, на полмесяца.

Что еще более странно, так это то, что еда, которую он принес, была, по крайней мере, такого же размера, как и его тело, и я съел так много, не проявляя никаких признаков деформации моего тела, хотя я все еще чувствую голод, что определенно ненормально!

– Парула. – Джаяд подошел ко мне и положил руку мне на плечо.

– Не надо! Не трогай меня, не подходи! – Я сопротивлялся в страхе, я боялся причинить ему боль, – Мне жаль.....

– Парула, все в порядке, так и надо, ты просто голодна, и ешь больше, ты можешь еще поесть, если захочешь, я могу украсть еще, если кончится. – Джаяд не знал, чего я волнуюсь и боюсь, и мог только успокаивать.

В конце концов, подросток был еще подростком, он не знал, что для меня это ненормально, как и не знал, через какую умственную нагрузку я сейчас прохожу, он думал, что я просто голодна и ем больше.

– Спасибо, но, пожалуйста, оставь меня так и веди себя тихо, не трогай меня, не позволяй мне видеть еду, пожалуйста! – Я сказала это с намеком на слезы, боясь, что, увидев еду, я снова стану невменяемой и не похожей на себя.

– Я понял. – Джаяд действительно послушал меня и не стал давить на меня дальше, вместо этого он сел рядом со мной и начал с трудом жевать лепешку, в отличие от меня, он не мог легко есть твердую пищу, его рот и зубы были обычными подростковыми, и ему было трудно жевать.

Некоторое время я слышал только то, что было похоже на его скрежет зубов, и когда я не мог больше слушать, я не мог не сказать:

– Ты не можешь найти горячей воды, чтобы замочить ее?

– Ты не даешь развести огонь для себя, где я возьму горячую воду? – Джаяд ответил, оставив меня без слов и немного тронутый тем, что он действительно послушал меня и не ослушался, хотя он жевал сырую лепешку.

Я на мгновение потерял дар речи и добавил:

– Просто вынеси кастрюлю на улицу, чтобы можно было спокойно вскипятить воду.

Риск отравления угарным газом возникает в основном в помещении, и, зная это, можно свести риск к минимуму, выйдя на улицу, и действительно, есть много людей, которые разводят костры прямо на берегу реки, но есть еще те, кто жаден до тепла и приносит его в свои норы.

У этих бродяг и нищих просто нет знаний или доступа к ним, а мусор, который они используют для своих костров, часто токсичен, что делает сжигание в помещениях еще более рискованным.

Суть в том, что уровень смертности у них настолько высок, каждый день они умирают разными способами, вероятность внезапной смерти в помещении слишком велика, а мертвые вряд ли заговорят, они даже не могут рассказать о причине смерти.

Джаяд задумался и, похоже, немного понял, почему я не разрешила ему жарить в помещении, он кивнул:

– Минутку, я вернусь.

Он вышел с куском сухого хлеба и вскоре вернулся с куском горящего хвороста.

<http://tl.rulate.ru/book/75550/2244458>